

Если верно, что искусство — «открытое письмо» людям, речь, обращенная к ним, а думать так — естественно, то как же важно, чтобы не только светла, чиста и благородна была эта речь, но чтобы она всегда доходила до тех, кому предназначена, вызывала у них ответные добрые чувства, пробуждала, по словам В. И. Ленина, в самих массах — художников. Всякому ли, даже крупному мастеру, нашему современнику, дано осуществить такую миссию? Разумеется, только тому, кто, сочетая ум и талант, способен ощутить и передать в правдивых образах главное, коренное в жизни народа, в характере эпохи, будь то гигантский размах революционного движения, подвиги героев гражданской или Великой Отечественной войн, дерзновенная мечта юных, тепло и красота новых человеческих отношений...

Дмитрий Борисович Кабалевский — из тех немногих счастливых, кому удалось многое свершить в своем творчестве за время, истекшее с далекого 1925 года, которым помечен его скромный опус № 1 (три прелюдии для фортепиано). С тех пор не одно поколение молодежи вступило в жизнь, имея среди прочих ценностей своего духовного мира лучшие страницы музыки Д. Кабалевского.

Д. Кабалевский — композитор с универсальным диапазоном интересов. Вероятно, нет почти ни одного жанра — от простейшей детской песенки до оперы, крупных кантатно-ораториальных и симфонических форм, — в котором он не попробовал бы свои силы, не внес в него свой эстетический вклад. Не оттого ли и аудитория Д. Кабалевского столь широка — все возрасты представлены в ней! Что же касается детей, то для них композитор всегда находил самые теплые, самые сердечные и проникновенные слова...

Известность музыки Д. Кабалевского во многом объясняется и тем, что она, как правило, легко узнается «на слух». Интонационная конкретность — вот, кажется, основной принцип, которым руководствуется композитор в выборе тех или иных выразительных средств. Однажды, желая поддержать молодого автора, он специально отметил — песни его тем хороши, что, слушая их, даже если мы не знаем их заглавия и не расслышали ни одного слова текста, мы по самой музыке всегда определим их содержание, их тему. Иначе говоря, только та музыка отзовется в душе людей, которая всем своим строем — мелодическими оборотами, характерной ритмикой, складом гармонии и типом изложения будет вы-

зывать у них конкретные, с жизнью связанные ассоциации и представления. А чтобы стать такой, сама она должна в конечном счете опираться на народное творчество, выразительная мощь которого, неисчерпаемая и неисчерпаемая, складывалась веками, накапливалась трудом и талантом миллионов...

...Мне не забыть первую встречу с миром большой музыки Д. Кабалевского — оперой «Семья Тараса». Это было в 1947-м, втором послевоенном году. Оперу готовили тогда к постановке в Театре им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, и мне довелось побывать на нескольких репетициях, которые с увлечением и страстью вел С. А. Самосуд. Помнится, сразу покорила жизненная правдивость музыкальной речи Тараса и Назара (В. Канделаки и С. Ценин) — старых рабочих, беззаветно преданных Родине. А потом поистине потрясла драматическая сила музыки в обращении Тараса к сыну: «Ты, Андрей, в смертный час муки убоялся», в его пронзительном причете «Замучили, растерзали», когда увели на казнь дочь Настю (незабываемо выразительно пела тогда Т. Янко старую Ефросинью, мать), в скорбных хоровых сценах...

А рядом с образами народной трагедии — улыбочатая школьная комсомольская песня «У старой у околицы родимого села» — символ мирной жизни, беспечального детства, веры в счастье, и тесно связанный с этой песней образ первой любви — полный юношеской робкой нежности дуэт Настя и Павла...

Новые сочинения Д. Кабалевского — новые впечатления.

...Триада инструментальных концертов, посвященных «советской молодежи». Это — настоящая детская классика. Музыка безраздельно захватывает здесь стремительной, бьющей через край мальчишеской энергией, светлой, порою слегка печальной красотой чувства. «Десять сонетов Шекспира» — глубокая философская лирика, то окрашенная иронией, то вздымающаяся всплеском страсти, то мудро сдержанная.

...Четвертая симфония — возвращение к образам войны: очень явственно напоминает музыка о «Семье Тараса», особенно в первой части, полной борьбы и драматизма, и в последующем грандиозном триумфально-траурном шествии (не «Реквием» ли памяти Настя?).

...«Весенние мотивы». Это целая группа сочинений: кантаты «Песня утра, весны и мира», «Ленинцы», оперетта «Весна поэт», пионерские

песни, симфоническая поэма «Весна».

...«Реквием», удостоенный премии имени М. И. Глинка. Партитура огромного масштаба, этически возвышенная по своему замыслу. «Сочинение это написано о погибших», — говорил композитор, — но обращено к живым, рассказывает о смерти, но воспекает жизнь, рождено войной, но всем своим существом устремлено к миру».

Перечень легко продолжить, ибо с редкой неутомимостью продолжает сочинять музыку замечательный композитор, семь лет назад перешагнувший порог шестидесятилетия. Но теперь пришла пора сказать еще об одном его сочинении, всего лишь об одном, но таком, которое, не преувеличивая, стало делом всей

творческой жизни мастера. Сегодня оно, без сомнения, является его главным сочинением. Это — опера «Кола Брюньон» (либретто В. Брагина), написанная на основе одноименной повести Романа Роллана. Д. Кабалевский начал работать над ней в первой половине тридцатых годов. В начале 1938 года опера вышла на сцену ленинградского Малого театра, где шла до весны 1941-го. С тех пор «Брюньон» не включался в театральный репертуар, хотя ему никогда не отказывали в неповторимо яркой оригинальности, свежести музыки, содержательности, словом, в такой мере своеобразия, которая позволяла сочинению Д. Кабалевского выдерживать сравнение с лучшими образцами советского оперного творчества предвоенного десятилетия.

Что же воздымало непреодолимые препятствия на пути

оперы к слушателям? Д. Кабалевский — строжайший «самокритик». Вскоре после премьеры он ощутил неудовлетворенность известным упрощением, которое претерпел в опере образ главного героя. Иными представились ему и взаимоотношения Брюньона с окружающими, и атмосфера действия в целом. «Оперу надо повернуть к Роллану... и вести по линии нарастания света и веселья», — писал композитор, отмечая при этом, что сама тема Роллана — тема оптимизма — «несмотря ни на что и вопреки всему» очень созвучна нашей эпохе.

Однако созревание новой музыкальной концепции потребовало длительного времени. Слущком многое, по-видимому, надо было не просто осознать, но ощутить как внутреннюю необходимость самому Д. Кабалевскому. В этом смысле будущего «Кола Брюньона» так или иначе подготавливали и испытывали на «прочность» все наиболее значительные произведения, созданные композитором за последние тридцать с лишним лет. Вместе с тем во всех этих произведениях для нас открылись те или иные новые стороны после того, как вышла в свет вторая редакция «Кола Брюньона».

Вторая редакция... Названо скромно. Но в сущности же нынешний «Кола Брюньон» — отнюдь не «редакция». Это новая опера с капитальной, чем прежде, художественной концепцией, драматургией и в большой мере — с другими героями. И если при всем том в теперешней «редакции» оказался сохранен весь основной тематический материал первой, то и это обстоятельство никого не должно вводить в заблуждение: в музыке такие «чудеса перевоплощения» — редкость, благо она способна к ним едва ли не больше, чем какое-либо другое искусство.

Каков же сегодняшний Кола? Нет, он все равно не такой, каким представлял его себе и написал его французский писатель. Но это, разумеется, и не обязательно, и даже не желательно — иначе мы рисковали бы получить, пусть и в ином виде искусства, копию, а не самостоятельное произведение. Зато теперь в образе заглавного героя, во всей драматургии оперы по-настоящему раскрыто то, что можно назвать истинным «брюньоновским духом», и это самое важное, в чем сказался «поворот» к Роллану, удавшийся, конечно, лишь потому, что он имел предпосылки в художественной натуре самого композитора.

Это и оптимизм, и неразрывная связанность с народом, возвышенное и мудрое чувство прекрасного: ведь Ко-

ла — и философ, и художник. Это прекрасные человеческие качества — доброта, душевная щедрость, чистота чувств. И главное — любовь к жизни во всей ее естественности, выражающейся в смене поколений, вера в будущее. Таков он, новый Кола — жизнерадостный, старый бургундский весельчак, «рыжий обжора», наделенный большой, нежной и застенчивой душой...

А вокруг него — исключительно правдиво выписанные фигуры односельчан — кламсийцев. Кюре Шамай — еще одна «черта характера» Брюньона, вольнодумец, великий любитель доброй чары, живой, умный священник-крестьянин, Селина, которую всю жизнь любил Кола и которого она любила; старуха Жакелина — верная жена Брюньона, чья бранливая сварливость, столь досаждавшая ему в жизни, обернулась в смертный час признанием в глубоком неразделенном чувстве: подмастерье Робине — преданный своему учителю, отзывчивый, добрый...

Это круг Брюньона и кламсийцев. А что противопоставит ему? Пустой и чванливый, самодовольно жестокий, вздорный и злобный мирок Герцога и его прислужников, лишенных всего духовного и обладающих лишь сословной спесивостью и властью.

Да, кроме смеха, смеха разящего, мужественного и побеждающего, ничего другого не может ему противопоставить Кола. Но как же удачно пользуется он этим своим оружием, сам оставаясь неуязвимым и неизменно сохраняя чувство собственного достоинства...

«Кола Брюньон», выдвинутый ныне на соискание Ленинской премии, — драгоценное завоевание советского музыкального театра по праву может быть причислен к нашей национальной оперной классике.

...Их было совсем немного, советских художников «первого поколения», выпускников первых в мире государственных консерваторий. Но это они на протяжении вот уже почти пятидесяти лет вносят огромный вклад в создание нашей многонациональной музыкальной культуры. Это они средствами своего искусства закрепляют в сознании миллионов людей все, что вошло в их жизнь на путях революции, социалистического строительства, войны и мира. И среди тех, кто с честью выполняет сегодня высокую гуманистическую миссию советской культуры, — композитор «призыва» двадцатых годов Дмитрий Борисович Кабалевский.

Ю. КОРЕВ.